

Почему приговорили к расстрелу Николая Вознесенского и Михаила Родионова? Экономические аспекты «ленинградского дела» (часть 2)

А.В. Сушков, С.А. Пьянков

Why were Nikolai Voznesensky and Mikhail Rodionov sentenced to death? Economic aspects of the "Leningrad affair" (part 2)

A.V. SUSHKOV, S.A. P'YANKOV

Аннотация. В статье рассмотрены экономические аспекты «ленинградского дела». Проанализированы обвинения фигурантов дела в нарушении постановлений Совета министров СССР о приоритетных направлениях развития промышленности Ленинграда. В статье поставлена под сомнение обоснованность хрущевской реабилитации фигурантов «ленинградского дела».

Ключевые слова: «ленинградское дело», партийно-государственная система власти, период «позднего сталинизма», Ленинград, СССР.

Abstract. The article considers the economic aspects of the "Leningrad affair". The accusations against the defendants in the case of violating the resolutions of the Council of Ministers of the USSR on the priority directions of the development of Leningrad's industry have been analyzed. The article called into question a validity of Khrushchev's rehabilitation in relation to the defendants of "Leningrad affair"

Key words: "Leningrad affair", party and state system of the power, "late Stalinism" period, Leningrad, USSR.

Как свидетельствуют архивные документы, фигурантам «ленинградского дела» Н.А. Вознесенскому, М.И. Родионову, А.А. Кузнецову и П.С. Попкову были предъявлены обвинения в экономических преступлениях. Центральное место среди них занимали обвинения в нарушении постановлений Совета министров СССР о приоритетных направлениях развития промышленности Ленинграда.

Для того, чтобы разобраться в сути предъявленных обвинений, необходимо остановиться на некоторых аспектах восстановления промышленности Ленинграда после снятия блокады.

За годы войны выпуск валовой промышленной продукции в Ленинграде сократился почти на 70 %, в то время как в Западной Сибири и на Урале

он вырос в разы. Снижение удельного веса промышленности города в послевоенной экономике страны весьма беспокоил преемника А.А. Жданова в кресле «хозяина Смольного» – А.А. Кузнецова. «Снижаться нельзя, никак нельзя, – твердил он на заседаниях бюро обкома и горкома ВКП(б) 5 сентября 1945 г. – ...За удельный вес [в] союзной промышленности нам нужно бороться. В музей мы не хотим превратиться. Будут нас уважать за историю, что Ленин и Сталин революцию здесь создавали, что белогвардейцев мы здесь убивали, что эталоном мужества и стойкости были. Но мы не хотим быть на выставке, хотим быть индустриальным центром»¹.

Кузнецов требовал увеличения объема валовой продукции. Он прекрасно знал, что еще до войны был установлен запрет на строительство новых предприятий в Ленинграде. Война не внесла существенные коррективы в эти установки, и по решению правительства промышленные мощности Ленинграда должны были восстанавливаться, не превышая довоенный уровень². Кузнецов на заседании бюро обкома и горкома прямо и открыто заявил, как Ленинград будет обходить этот запрет: «Есть решения XVIII съезда <...> в Ленинграде, Москве, Киеве, Ростове, Свердловске, Харькове не строить новое промышленное строительство. Мы восстанавливаем корпуса, надстраиваем и т.д. <...> Предположим, одноэтажный корпус выходит на какую-то улицу, а вместо этого одноэтажного корпуса построить трехэтажный дом»³.

В ходе заседания Кузнецов неоднократно ссыался на поддержку со стороны председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского и даже привел его слова: «Товарищ Вознесенский говорит: “Я хотел бы заслушать Ваш доклад по крупным вопросам, которые Вы решаете в четвертой пятилетке, с тем, чтобы мне разрешить эти вопросы”»⁴. Иначе говоря, тогдашний первый заместитель председателя Совнаркома СССР и председатель Госплана СССР, кандидат в члены Политбюро брался «проталкивать» ленинградские вопросы через правительство. Во всяком случае, именно так это выглядело со слов А.А. Кузнецова.

Новый «хозяин Смольного» П.С. Попков продолжил политику, начатую его предшественником А.А. Кузнецовым, тем более что последний требовал докладывать ему по всем вопросам, связанным с Ленинградом, и давал по ним конкретные указания. Предприятия «гнали вал», борьба за удельный вес в союзной промышленности шла успешно. Руководство Ленинграда ис-

Сушков Андрей Валерьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН. E-mail: suschkow@mail.ru; Пьянков Степан Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН. E-mail: kliostefan@mail.ru.

Sushkov Andrey V. – candidate of historical sciences, senior researcher at the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: suschkow@mail.ru; P'yankov Stepan A. – candidate of historical sciences, senior researcher at the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kliostefan@mail.ru.

пользовало высокие показатели промышленного роста для саморекламы. К ноябрьским праздникам 1947 г. – 30-летию Октябрьской революции – ленинградцы с большим шумом и помпой, как они сами это признавали, отчитались о выполнении годовых плановых заданий по промышленности⁵.

Но за победными реляциями скрывались серьезные проблемы. Отдельные отрасли промышленности не справлялись с плановыми показателями по номенклатуре. Прежде всего, это касалось предприятий, выпускавших сложную высокотехнологичную продукцию. Многие выпущенные изделия оказались весьма низкого качества, потребители отказывались от некоторых из них и требовали их замены⁶. Общий план по «валу» в Ленинграде выполнялся за счет местной и кооперативной промышленности. Но и там гонка за цифрами крайне негативно отразилась на качестве выпускаемой продукции. Как следствие, склады предприятий местной государственной и кооперативной промышленности оказались забиты неходововыми товарами, общая стоимость которых оценивалась в 120 млн руб. И П.С. Попкову было об этом известно⁷.

Устроенная гонка за валовыми показателями привела к острому дефициту электроэнергии: руководители Ленинграда не сопоставили собственных амбиций с техническими возможностями «Ленэнерго»⁸. Спустя две недели после того, как к 30-летию революции был выполнен план, вся ленинградская промышленность встала. В январе 1948 г. ленинградские предприятия вновь остановились. Отсутствие торфа на электростанциях ленинградское начальство объяснило слабой партийно-политической работой⁹. Весной 1948 г. перебои в обеспечении электроэнергией приобрели весьма острый характер¹⁰. Переложить вину Смольный попытался на Министерство электростанций СССР. «Министерство электростанций, не ожидая такого быстрого восстановления промышленности и городского хозяйства Ленинграда и тем будучи застигнуто врасплох, не приняло своевременных мер по форсированию в ленинградской энергосистеме восстановления и строительства электростанций», – говорилось в проекте письма Попкова на имя Сталина, так и не отправленного адресату¹¹.

Индустрия Ленинграда требовала все больше металла. Еще в сентябре 1945 г. А.А. Кузнецов, будучи тогда первым секретарем Ленинградского обкома и Ленинградского горкома ВКП(б), вполне обоснованно указывал, что намечаемый Смольным стремительный рост ленинградской промышленности возможен лишь при условии строительства «своего» металлургического завода в 4-й пятилетке. Но в 1948 г. такого завода не появилось. А появилось лишь постановление Совмина СССР о строительстве Череповецкого металлургического завода, который еще только предстояло возвести¹².

Скрыть возникшие в ленинградской промышленности проблемы было невозможно. К их разрешению подключились самые высокие московские инстанции и лично Сталин. П.Г. Лазутин на объединенном пленуме обкома

и горкома рассказывал, что именно Сталин инициировал рассмотрение в руководстве страны вопросов о топливе, энергетике и снабжении металлом Ленинграда. Насколько это соответствовало действительности, пока сказать трудно. Бесспорно лишь то, что Сталин изучал проблемы, с которыми столкнулась ленинградская промышленность, и обсуждал с руководителями Смольного ближайшие перспективы ее развития. Кроме прочего, он упрекнул ленинградских руководителей в том, что те не занимались развитием топливной базы ¹³.

Ленинградцы совместно с правительством подготовили постановление Совета министров СССР «О развитии топливно-энергетической и металлургической базы г. Ленинграда», которое было принято 23 марта 1948 г. В постановлении говорилось, что рост ленинградской промышленности сдерживается недостаточным развитием топливно-энергетической и металлургической базы. Экономика города базируется на дальнепривозных углях, в то время как добыча бурых углей и сланцев в прилегающих к Ленинграду районах развивается недостаточно. Впредь до создания собственной надежной топливно-энергетической базы ограничивалось развитие ленинградской промышленности, объем выпускаемой промышленной продукции должен сохраняться на довоенном уровне. Ленинграду предстояло стать центром квалифицированного машиностроения, приборостроения и судостроения. Внимание хозяйственных, партийных и советских органов Ленинграда в работе промышленности сосредоточивалось на повышении качества выпускаемой продукции, освоении наиболее технически совершенных изделий и передовой технологии производства ¹⁴.

Спустя полгода Госплан СССР и Ленинградский горком ВКП(б) подготовили еще одно постановление Совета Министров, являвшееся, по сути, программой перестройки индустрии города. 20 ноября 1948 г. постановление Совмина «О перестройке ленинградской промышленности» было принято. В нем развивались и конкретизировались основные положения, утвержденные Совмином 23 марта. Вновь подчеркивалось, что впредь до создания надежной топливно-энергетической базы развитие ленинградской промышленности должно быть ограничено. Оговаривалось, что если не сократить темпов, не ограничить развитие промышленности, то перебои в снабжении электроэнергией, дальнепривозным топливом и металлом могут поставить ее в очень тяжелое положение. Вновь говорилось о Ленинграде как о центре квалифицированного машиностроения, приборостроения и судостроения. Устанавливался общий объем производства промышленной продукции на предприятиях города на три года. В частности, в 1949 г. ленинградская промышленность должна была произвести продукции на 13,0 млрд руб. Объем выпущенной продукции детально распределялся по предприятиям различных министерств и расписывался по видам продукции ¹⁵.

О том, как руководство Ленинграда воспринимало принятые постановления правительства, можно судить по выступлению П.С. Попкова на

совещании по строительству Череповецкого металлургического завода и его рудно-сырьевой базы 3 февраля 1949 г. Впоследствии его слова станут предметом тщательных разбирательств в высшем руководстве страны – в Политбюро и цеховском партконтроле. Попкову придется каяться за них с трибуны пленума обкома и горкома ВКП(б)¹⁶. Поэтому сказанное им на совещании крайне важно для понимания сути предъявленных ленинградским руководителям обвинений.

«Металлургический завод, который строится нами по указанию товарища Сталина, нужен нам как воздух, – говорил Попков. – Почему? Вы знаете, что мы взяли обязательство выполнить пятилетку в четыре года. Ленинградцы выступили с этим лозунгом, и вся страна подхватила. Но нас с марта месяца прошлого года Правительство на полном скаку осадило назад. 1948 год прошел, мы уже в апреле месяце предупредили директоров и рабочий класс, что лозунг “Пятилетка в четыре года” снимается. Несмотря на это, мы дали прирост продукции по сравнению с 1947 годом больше чем на 2 миллиарда рублей. Мы могли совершенно свободно с тем же количеством рабочих и станков дать прирост продукции 3 миллиарда рублей. 3 миллиарда рублей совершенно свободно, и к ноябрьским праздникам перекрыть задание, записанное Ленинграду на конец 1950 года, то есть перекрыть пятилетку к 32-й годовщине Октябрьской социалистической революции. А нам сказали: стоп! 1948 год выполнили, а теперь пятилетку, будьте добры, выполните к декабрю 1951 года. Вот вы и считайте. Мы хотели в 1949 году, а говорят: в 1951 году. На два года нас по темпам осадили. Почему? Товарищ Сталин прямо сказал: “Металл дать не можем, сколько по вашим темпам нужно. Почему? За время войны создалась сильная промышленность на Средней Волге, в Западной Сибири, Среднеазиатских республиках и Закавказье. В первую очередь металл будем направлять туда, куда не нужно возить, не нужно загружать транспортные средства. Во-вторых, вся наша металлургическая промышленность довоенного уровня не достигла. Донбасс еще довоенного уровня не достиг по металлу, а мощность заводов Средней Волги и Закавказья значительно увеличилась. Нам выгоднее давать металл туда, где ближе, и невыгодно металл возить за тысячу километров. То же самое с углем. Угольная промышленность довоенного уровня не достигла”»¹⁷.

Далее, кратко остановившись на планах производства угля и электроэнергии для ленинградской промышленности, Попков вновь заговорил о том, что правительственные решения затормозили рост выпуска промышленной продукции, при этом на ходу переиначивая суть принятых постановлений. «Если учесть, что у нас оборудование – 130 процентов к довоенному, то есть на 30 процентов больше, причем квалифицированнее, значит – мощнее, если учесть, что на 48 процентов подняли производительность труда по сравнению с 1940 годом, если выпускали продукции на 14 миллиардов рублей, то сколько мы сейчас можем выпускать? – вопрошал Попков. – Нас задержали. Причем какой продукции?! Высококвалифицированной, которую выпускает

только Ленинград и никакой другой промышленный центр. Эта продукция нужна по горло. Для того, чтобы развязать руки Ленинграду, нужен металлургический завод, нужен свой металл. <...> Все отдадим, чтобы металлургическая база была создана в самый короткий срок. Ничего не пожалею для этого дела. Мне товарищ Сталин сказал прямо: "Построите металлургическую базу у себя – дуйте любыми темпами на любой объем, не будем останавливать. Чем дольше не будет у вас своей металлургической базы, тем дольше ленинградская промышленность будет терпеть замораживающие медленные темпы"»¹⁸.

Из выступления «хозяина Смольного» вполне определенно следует, что он не был согласен с решениями правительства о ближайших перспективах развития ленинградской промышленности. Даже невзирая на то, что эти перспективы были названы лично Сталиным.

Каким образом шла реализация в Ленинграде установок верховной власти? Как показывают документы, слова П.С. Попкова не расходились с делами. С трибуны объединенного пленума обкома и горкома ВКП(б) в феврале 1949 г. прозвучало, что в Ленинграде не спешили выполнять постановления правительства и указания Сталина. Говорили об этом люди весьма высокопоставленные и осведомленные – председатель Ленинградского горисполкома П.Г. Лазутин и его первый заместитель Н.А. Манаков.

В выступлении Н.А. Манаков указал, какую на самом деле продукцию продолжали «гнать» в Ленинграде. «После выхода в свет постановления Совета министров СССР о топливно-энергетической базе, когда было совершенно ясно, что мы должны перестраивать ленинградскую промышленность на качественные показатели, эта перестройка проходит медленно, – говорил Манаков. – Обсуждение месячных итогов выполнения планов промышленностью проходит по-старому: обсуждаются количественные итоги и мало внимания уделяется качественным показателям работы. У секретарей горкома по сие время висят в кабинетах таблички, кривые, которые показывают, как развивается количественно ленинградская промышленность. Увлечение количественной стороной дела уже после того, как Центральный комитет партии направил нас на решение качественных задач, видно и из того, что городской комитет партии требовал, чтобы местная государственная и кооперативная промышленность в 1948 году ежемесячно перевыполняла месячные планы процентов на десять на тот случай, если не будет выполнен план по союзной промышленности. Это тоже отражает увлечение количественными показателями в ущерб качеству продукции. Следствием этого явилось то, о чем товарищ Попков вынужден был заявить на конференции, что наша местная государственная и кооперативная промышленность, борясь за количественные показатели, пришла к такому положению, что к началу 1949 года на складах предприятий местной государственной и кооперативной промышленности было на 120 миллионов рублей неходовых товаров»¹⁹.

Непосредственный начальник Манакова – П.Г. Лазутин указал, что принятые по указанию Политбюро ЦК ВКП(б) постановления Совета Министров СССР от 23 марта и 20 ноября 1948 г. получили лишь формальное одобрение: они были обсуждены на партконференциях и активах, на различных партийных и рабочих собраниях, по итогам которых принимались соответствующие резолюции. «Однако самое главное, вытекающее из постановления Совета министров от 23 марта и из постановления от 20 ноября 1948 года, мы не сделали, мы не решили того, без чего нельзя выполнить до конца указания партии и Правительства, – говорил Лазутин. – Мы не изжили в своем сознании погоню за количественными показателями в работе промышленности. Вольно или невольно мы оказались в плену этих количественных показателей. Отсюда настроения, что жизнью будут опрокинуты решения Правительства по этому вопросу. Ленинградская промышленность будет развиваться своим путем»²⁰.

Со слов руководителей горисполкома следовало, что Смольный не только продолжал свою прежнюю политику – «гнать вал», но и уповал на то, что постановления Совмина о ленинградской промышленности не будут реализованы.

По многочисленным свидетельствам на различных заседаниях и совещаниях из уст первых лиц Ленинграда часто звучали заявления о своего рода независимости от Москвы: «Ленинград – город самостоятельный», «дать что-то свое... подумайте, свое что-то внесите». Своеобразной квинтэссенцией политики Смольного явились высказывания П.С. Попкова: «Что нам Правительство? Нам, ленинградцам, виднее»²¹.

На чем базировалась уверенность руководства Смольного, что в условиях, когда окончательные планы, а также соответствующие финансовые и материальные ресурсы спускались централизованным порядком из Москвы, ленинградская промышленность сможет развиваться каким-то «своим путем»?

В выступлении П.Г. Лазутина на объединенном пленуме обкома и горкома партии был один весьма примечательный момент. Председатель горисполкома говорил о выполнении постановлений правительства от 23 марта и 20 ноября 1948 г. и указал на некие препоны, чинившиеся в центральных ведомствах: «Наши попытки найти решение этого вопроса подчас встречались в штыки и должен сказать, товарищ Маленков, и союзными организациями, в частности, в Госплане РСФСР и отдельными работниками Госплана Союза ССР. Только после известных указаний Политбюро соответствующие организации приступили к рассмотрению вопросов, связанных с точным исполнением постановлений Правительства в развитии ленинградской промышленности»²².

П.Г. Лазутин лукавил: в действительности никакие препятствия со стороны союзного и республиканского госпланов не чинились. В невыполнении постановлений правительства было заинтересовано ленинградское руководство.

Доступные архивные документы позволяют сделать вывод, что первые лица Ленинграда и А.А. Кузнецов достигли договоренностей с Н.А. Вознесенским и М.И. Родионовым о том, что объем финансирования местной и кооперативной промышленности в Ленинграде не будет снижаться. Те продолжат «гнать вал», создавая видимость «промышленного рывка» Ленинграда. Предстояло лишь обойти соответствующие пункты в решениях Совмина, которые регламентировали объем выпускаемой продукции в рублях для этих отраслей промышленности.

Пусть недостаточно детально, но хотя бы в общих чертах о том, как удалось повернуть эту махинацию государственного масштаба, было изложено в ранее упомянутом заявлении Н.А. Манакова на имя заместителя председателя КПК при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятова.

«Попков и Капустин в 1948 году не уделяли необходимого внимания качественной перестройке промышленности и по-прежнему занимались выполнением и перевыполнением валовой продукции, – писал Манаков. – С этим мне пришлось столкнуться в конце 1948 года в части плана местной и кооперативной промышленности Ленинграда на 1949 год. Постановление Правительства от 20 ноября 1948 г. о перестройке ленинградской промышленности обязывало Ленгорисполком снять с производства местной и кооперативной промышленности низкокачественные изделия и заменить их изделиями высокого качества. Это вызывало необходимость уменьшения выпуска валовой продукции по этой промышленности в 1949 году в сравнении с 1948 годом на 400 млн рублей. Разработанный Госпланом СССР план на 1949 год хотя и предусматривал объем валовой продукции в целом по Ленинграду в объеме, установленном Правительством, то есть в 13 млрд рублей, но расшифровал по министерствам валовую продукцию лишь на 11 млрд рублей (приблизительно), так что оставшиеся 2 млрд рублей союзные министерства, а в части местной и кооперативной промышленности – Госплан РСФСР и Совет министров РСФСР, стали разверстывать без увязки с установленным общим лимитом и вышли за пределы этого лимита. Совет министров РСФСР установил для местной и кооперативной промышленности план выпуска валовой продукции на 400 млн рублей выше, чем испрашивалось городской плановой комиссией. Это приводило к тому, что местная и кооперативная промышленность должна была бы по-прежнему выпускать низкокачественные товары, а в целом ленинградская промышленность нарушила бы постановление Правительства, ограничившее рост промышленности определенным лимитом»²³.

Манаков отметил в заявлении, что поставил в известность первых лиц в Смольном: «Ввиду этого я говорил с Попковым, Капустиным и Лазутиным, что этот вопрос требует срочного решения, но они отговаривались тем, что план 1949 года будет разверстан по предприятиям исходя из 13 млрд рублей, а излишняя валовая продукция будет внутренним резервом перевыполнения плана. Понимая, что это ведет к двойному планированию и

нарушению государственной плановой дисциплины, я предложил Лазутину подписать письмо в Правительство о пересмотре постановления Совета министров РСФСР, установившего план по местной и кооперативной промышленности на 1949 г. с нарушением постановления Совета министров СССР от 20 ноября 1948 года. Лазутин этого письма не подписал, а сказал, что посоветуется в горкоме ВКП(б). Через несколько дней по этому вопросу состоялось совещание у Попкова, где были Капустин, Левин, Лазутин, Никитин (промкооперация), Куракин, Юрков (местная промышленность), и другие. На совещании Попков согласился с моими доводами и увидел, что так, как они хотели сделать (иметь резерв на перевыполнение плана), не получается, но вместо того, чтобы прямо поставить вопрос перед Правительством, предложили мне выехать в Москву по этому вопросу»²⁴.

Как следует из заявления Манакова, главное ленинградское начальство на сей раз отказалось от посылки писем и телеграмм как от привычного способа срочного решения важных экономических вопросов и принялось «тянуть резину». Разумеется, вероятность того, что выявленные нарушения в планировании явились для них новостью, крайне низка. Обо всем также были осведомлены первые лица Совмина РСФСР и Госплана СССР, что подтверждается рассказом Манакова о его мытарствах по центральным инстанциям: «В Москве мы вместе с Юрковым и Конопелько (промкооперация) обратились к Басову (Госплан РСФСР) с просьбой о пересмотре плана местной и кооперативной промышленности и приведении его в соответствие с постановлением Правительства от 20 ноября 1948 года. Басов по существу считал неправильным уменьшать этот план до уровня нашего плана, но, подходя формально, заявил, что сам Госплан СССР спишет с промышленности РСФСР 400 млн рублей, тогда и Госплан РСФСР уменьшит план местной и кооперативной промышленности Ленинграда на эту сумму. Мы пошли в Госплан СССР и объяснили бывш[ему] зам. председателя Госплана Панову, что отсутствие в плане полной расшифровки валовой продукции в 13 млрд рублей ведет к нарушению постановления Правительства как в целом по промышленности Ленинграда, так и промышленности местного подчинения. Панов дал указание работникам Госплана тт. Пашинину и Уварову сделать полную расшифровку в разрезе министерств валовой продукции в сумме 13 млрд рублей, но сообщил, что этот вопрос ленинградские организации должны поставить перед Советом министров СССР»²⁵.

Манаков указал в заявлении, что письма в Совмин СССР и Совмин РСФСР, в которых говорилось о необходимости пересмотра плана, были подписаны П.Г. Лазутиным лишь 31 января 1949 г. И только 6 апреля вышло в свет постановление Совмина СССР «О плане производства валовой продукции промышленности Ленинграда на 1949 год», а следом, 13 апреля, – соответствующее постановление Совмина РСФСР. Этими постановлениями были установлены планы по валовой продукции в соответствии с ранее принятыми решениями правительства²⁶.

Оправдания Н.А. Манакова, что он был лишь исполнителем воли вышестоящего начальства и со своей стороны пытался предотвратить нарушения постановления правительства, в цеховском партконтроле не были приняты во внимание. В материалах проверки сотрудников КПК при ЦК ВКП(б) говорилось: «В конце 1948 г. Манаков принимал участие в антигосударственных действиях Попкова, Капустина и др., которые, вопреки постановлению Правительства от 20.XI.-1948 г. о перестройке промышленности Ленинграда, при содействии быв[шего] председателя Совмина РСФСР Родионова значительно превысили план по местной и кооперативной промышленности против плановых заданий Правительства»²⁷.

Что подвигло ленинградское руководство пойти по столь опасному пути, какие цели они преследовали? Ведь фактически они действовали не только вразрез с постановлениями правительства, но и с указаниями И.В. Сталина.

Везде, будь то хозяйственные совещания, заседания партийных органов или многочисленные партийные собрания, первые лица Смольного декларировали о своем стремлении ускорить восстановление Ленинграда, вернуть его довоенный промышленный потенциал. Главным критерием восстановления ленинградской промышленности у них выступал стремительный рост валового производства. Тот факт, что в результате этой гонки за цифрами, вследствие возникшего энергетического кризиса, ленинградскую промышленность начало лихорадить и наметился вполне предсказуемый кризис из-за нехватки металла и других ресурсов, «радетелей Ленинграда» не столь волновал. Что их действительно чрезвычайно тревожило – это перспективы снижения роста валового производства вследствие переориентации на выпуск высококачественной, высокотехнологичной продукции. Хотя именно такую задачу поставило правительство и лично Сталин, учитывая послевоенные реалии и экономические интересы страны.

Декларируемое желание быстрее восстановления ленинградской промышленности, вероятнее всего, – лишь ширма, прикрывавшая истинные намерения первых лиц Смольного. В их действиях усматривается иное – гонка за цифрами велась ради удовлетворения собственных амбиций, ввиду карьеристских устремлений.

Дело в том, что важную роль в оценке деятельности секретарей обкомов и крайкомов партии в первые послевоенные годы играли темпы восстановления народного хозяйства в возглавляемых ими регионах. Причем первоочередное внимание уделялось именно валовым показателям по региону.

В качестве примера можно привести соответствующие фрагменты из характеристик некоторых первых секретарей обкомов позднесталинской эпохи. Впоследствии эти секретари войдут в состав высшего руководства СССР. Но на тот момент – в 1947 г. – сотрудники управления кадров ЦК ВКП(б) об этом знать не могли и старались оценивать этих секретарей всесторонне, рассматривая результаты их работы в соответствии с принятыми в те времена критериями.

«Областная партийная организация в 1946 году достигла немалых успехов в восстановлении народного хозяйства области, – указывалось в характеристике первого секретаря Одесского обкома КП(б) Украины А.И. Кириченко. – Восстановлено и работает 574 предприятия с общим выпуском продукции до 40 миллионов рублей в месяц. План выпуска валовой продукции в целом за 1946 год выполнен на 112,3 %. Выпуск продукции по сравнению с 1945 годом увеличился на 72 %». Тем не менее, по мнению проверяющих, не были использованы все имевшиеся возможности для ускорения восстановления разрушенного войной хозяйства: «При выполнении плана промышленности в целом металлообрабатывающая промышленность выполнила план 1946 года на 93,1 %. Важнейшие предприятия области: завод им. Марти выполнил план на 88,5 %, им. Октябрьской Революции – 72,8 %»²⁸.

Недавно назначенного первым секретарем Николаевского обкома КП(б) Украины А.П. Кириленко проверяющие среди прочего упрекнули в невыполнении плановых показателей: «Однако т. Кириленко не добился выполнения установленного плана предприятиями союзной промышленности. Если за 5 месяцев 1947 года предприятия республиканской промышленности план выполнили на 107 %, то союзного подчинения – только на 79,1 %»²⁹.

В характеристике первого секретаря Запорожского обкома КП(б) Украины А.И. Брежнева инспектор управления кадров не стал приводить валовые показатели по промышленности, а лишь указал, что по инициативе того был «проведен ряд мероприятий», направленных на улучшение работы промышленности. Среди существенных недостатков Брежнева инспектор отметил следующее: «Мало занимается промышленностью, детально не анализирует причин отставания отдельных предприятий, в частности, такого завода, как завод “Запорожсталь”, больше осуществляет руководство кабинетным порядком»³⁰.

Сотрудники цеховского управления кадров зафиксировали рост выпуска продукции в рублях в Орловской области в период 1944–1946 гг., но тем не менее в характеристике первого секретаря обкома ВКП(б) Н.Г. Игнатова отметили: «Неудовлетворительно работает промышленность области. В 1946 году промышленность области план выпуска валовой продукции выполнила на 97,3 %, план капиталовложений в промышленные предприятия не выполнен. Плохо восстанавливается машиностроительная промышленность: из 25 млн рублей освоено только 18 млн рублей»³¹.

«В 1946 году парторганизация области проделала значительную работу по перестройке промышленности на выпуск продукции мирного времени, а также по освоению новых видов вооружения, – указывалось в характеристике первого секретаря Куйбышевского обкома А.М. Пузанова. – Однако обком ВКП(б) своевременно не оказал необходимой помощи партийным организациям и хозяйственным руководителям отдельных промышленных

предприятий, в частности, заводов министерств авиационной, судостроительной и станкостроительной промышленности, вследствие чего промышленность области годовой план выполнила только на 87,9 %»³².

Среди характеристик на секретарей обкомов, подготовленных сотрудниками управления кадров ЦК ВКП(б), отсутствует заключение на «хозяина Смольного» П.С. Попкова, но имеется характеристика его заместителя в Смольном – второго секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) Я.Ф. Капустина.

Эта характеристика разительно отличается от рассмотренных выше хотя бы тем, что составлена исключительно в комплиментарных тонах. В ней заместитель Попкова был представлен как опытный и способный партийный работник «большого масштаба», всесторонне разбирающийся в работе промышленности и городского хозяйства. «Тов. Капустин как второй секретарь горкома занимается главным образом промышленностью, – говорилось в характеристике. – В 1946 году все отрасли промышленности из месяца в месяц выполняли установленные для них государственные планы, в результате промышленность города досрочно выполнила годовой план и дала продукции сверх плана на 554 млн рублей. В 1946 году объем валовой продукции против 1945 года увеличился на 40 %. Успешному выполнению плана в значительной степени содействовало улучшение на предприятиях партийно-политической работы и внедрение в производство новой техники и передовой технологии. Обладая чувством нового, тов. Капустин вовремя подхватывает инициативу новаторов производства и доводит начатое дело до конца. Партийные организации широко популяризируют опыт новаторов производства. В 1947 году город Ленинград выступил инициатором социалистического соревнования за выполнение промышленностью государственных планов 1947 года к 30-й годовщине Октябрьской социалистической революции. Партийная организация города стала во главе этого патриотического почина и успешно справляется с выполнением взятых на себя обязательств. По состоянию на 1-е августа 1947 года промышленность одиннадцати районов города выполнила восьмимесячную программу, а 183 предприятия города выполнили к этому времени девятимесячную программу»³³.

Стремительный рост ленинградской промышленности в валовых показателях и другие достижения ленинградской парторганизации, подчас липовые, позволили начальнику управления кадров ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову превратить Ленинград в «кузницу кадров». Бывший заместитель Кузнецова в управлении кадров А.Н. Ларионов, будучи первым секретарем Рязанского обкома ВКП(б), сообщал М.Ф. Шкирятову: «Кузнецов А.А. называл многих руководящих работников Ленинграда для выдвижения на партийную работу в другие области. Для выдвижения первыми секретарями обкомов ВКП(б) им назывались Капустин, Бадаев, Вербицкий, Харитонов, Басов, Кедров, Кузьменко, Колобашкин и др. Всем им он давал хорошие

характеристики и заявлял, что они являются подготовленными и крепкими работниками»³⁴.

Если мотивы руководителей Ленинграда хотя бы в общих чертах ясны, то установить причины, побудившие Н.А. Вознесенского пойти на нарушение постановлений Совмина и указаний Сталина, гораздо сложнее. Нет никаких сведений, что ленинградцам удалось его подкупить какими-либо дорогостоящими подношениями, ценностями. В обвинительном заключении лишь указывалось, что Кузнецов, Попков и Капустин «возлагали надежды» на Вознесенского «как человека близкого, удобного им и к тому же выходца из Ленинграда», «превозносили Вознесенского и всячески его популяризировали». Сам же Вознесенский стремился к более высоким постам. Цитировались его слова на допросе: «Еще давно я возомнил о себе, что предназначен для большой государственной работы и в дальнейшем мои помыслы были направлены к тому, чтобы создать себе карьеру “политического деятеля”». В силу этого я приближал к себе ленинградцев, задабривал их»³⁵.

Насколько это соответствовало действительности, не явились ли эти показания следствием физического воздействия на Вознесенского, в настоящее время сказать не представляется возможным. Тем не менее содержащееся в том же документе обвинения Н.А. Вознесенского и М.И. Родионова в «шефстве» над Ленинградом, в нарушении постановлений и директив высших органов власти выглядят вполне убедительно и доказательно, так как подтверждаются другими документами, включая те, что появились задолго до возникновения «ленинградского дела». Иные предъявленные обвинения – в выделении дополнительных материальных ресурсов, незаконном установлении дополнительных статей расходов и т.д. – не выглядят плодом воображения следователей МГБ либо спущенными им сверху указаниями, а вполне укладываются в общую картину.

«Имеющиеся в распоряжении следствия материалы устанавливают, что обвиняемые Кузнецов, Попков, Капустин и Лазутин через бывшего председателя Госплана СССР обвиняемого Вознесенского нарушали государственные планы и снижали темпы развития народного хозяйства страны, подрывали государственную дисциплину, срывали выполнение решений и указаний ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР относительно развития экономики Ленинграда и Ленинградской области, – говорилось в обвинительном заключении против главных фигурантов «ленинградского дела». – Прикрываясь фальшивой маской рачительных хозяев и демагогически заигрывая с ленинградской организацией, они не брезговали ничем, лишь бы обойти советские законы и хищнически урвать побольше от государства. <...> В осуществление своих вражеских замыслов, в интересах сообщников и рассчитывая на них, Вознесенский, а также Родионов, первый как председатель Госплана СССР, а второй как председатель Совета министров РСФСР, действовали в обход и вопреки решениям ЦК ВКП(б)

и Правительства, отрывали материальные и финансовые средства от других областей и обращали их на преимущественное развитие промышленности и городского хозяйства Ленинграда и Ленинградской области. Тем самым они наносили ущерб экономическим интересам Советского государства. Обвиняемый Кузнецов, касаясь своей преступной связи с обвиняемым Вознесенским, показал: “Я и Попков еще с довоенного времени по разным ленинградским делам связывались с Вознесенским, минуя ЦК, и получали от него постоянную поддержку. Противопоставляя себя Совету министров СССР, Вознесенский самовольно выделял нам дополнительные средства и материальный фонд. Не было случая, чтобы Вознесенский в чем-либо отказал нам”. Спрошенный об этом обстоятельстве, обвиняемый Попков показал: “На протяжении многих лет, еще с довоенного времени, Вознесенский оказывал нам, ленинградцам, во всем поддержку. Практика наших взаимоотношений с Вознесенским приучила нас считать его шефом”. Признав свою преступную связь с вражеской группой, существовавшей в Ленинграде, обвиняемый Вознесенский показал: “Весь период моей работы на посту председателя Госплана СССР я поддерживал порочную систему привилегированного снабжения Ленинграда ... за счет других областей и союзных министерств, используя такие источники, как нераспределенные ресурсы, новые ресурсы, возникшие в результате перевыполнения плана отдельными предприятиями, а также случайные запасы, обнаруживавшиеся во время и после войны. Потакая ленинградцам, я при составлении годовых планов увеличивал им цифры капиталовложений, за которыми соответственно возрастали материальные фонды, подкармливал ленинградцев подачками, выделяя для них дополнительно металл, уголь, лес и другие строительные материалы”. < ... > Кроме того, ублажая своих единомышленников и заключая с ними тайные закулисные сделки, действуя за спиной Совета министров СССР, обвиняемый Вознесенский незаконно перераспределял лимиты капиталовложений. В середине года он переводил средства с жилищного на коммунальное строительство и в 1946 году, например, своей властью снял лимиты с отстающих строек в Ленинграде и перевел на другие. В результате, чтобы покрыть своих сообщников, обвиняемый Вознесенский создавал ложную картину общего выполнения плана по строительству, хотя за этим скрывалось невыполнение плана на ряде строек в Ленинграде. < ... > Не менее усердно, чем Вознесенский, угождал своим соучастникам по подрывной работе и обвиняемый Родионов. Он показал: “Моя преступная связь с этими зарвавшимися людьми зашла так далеко, что в угоду им я не останавливался даже перед игнорированием решений советского Правительства, как это было, в частности, по вопросу развития промышленности Ленинграда. Я самочинно оказывал помощь ленинградцам. Для Ленинграда особым порядком включались в бюджет статьи расходов, которые не предусматривались в бюджетах других городов и областей”. < ... > В нарушение установок партии и Правительства и в обход государственного плана в ленинградской

промышленности обвиняемыми Кузнецовым, Попковым и их сообщниками осуществлялась линия на предпочтительное развитие производства предметов широкого потребления. В то же время не выполнялись планы по военному судостроению, турбостроению для миноносцев и трелевочным тракторам, предназначенным для нужд общесоюзной лесной промышленности. <...> Кузнецовым, Попковым, Лазутиным и другими участниками вражеской группы нарушалось решение директивных органов о запрещении строительства новых и расширения действующих в Ленинграде предприятий до создания местной топливно-энергетической базы и предпринимались попытки ревизии решения этих органов о генеральном плане реконструкции города»³⁶.

Кроме того, Вознесенскому поставили в вину нарушения ряда других постановлений ЦК ВКП(б), правительства и ГКО в интересах Ленинграда.

Вполне вероятно, что ленинградцы обращались за той или иной помощью к Н.А. Вознесенскому накануне и в годы войны как к выходцу из Ленинграда. Какой-либо очевидной выгоды для самого Вознесенского здесь не усматривается. Сомнительно, чтобы ленинградцы в то время имели возможность хоть как-то способствовать его служебному продвижению или укреплению властных позиций. Вполне могли иметь место неформальные отношения, сложившиеся между ленинградским руководством и Вознесенским, либо симпатии последнего к северной столице.

От другого выходца из Ленинграда, занимавшего высокие должности в правительственных структурах, – А.Н. Косыгина подобную помощь первые лица Смольного не получали. Об этом свидетельствуют выступления на упомянутом февральском объединенном пленуме обкома и горкома 1949 г. Завотделом машиностроения Ленинградского горкома В.П. Щербаков с возмущением говорил о том, что ленинградцы планировали передать ряд предприятий из легкой промышленности в судостроение, но этот вопрос не был решен по той причине, «что у руководства легкой промышленности стоял товарищ Косыгин, и все, переступить через этот высокий порог боялись»³⁷. Но и ранее А.Н. Косыгин, судя по некоторым выступлениям на этом пленуме, не раз вставал на пути запросов из Смольного. Не случайно, когда на заседании бюро горкома зашла речь о продвижении в Москве запроса на развитие городского хозяйства Ленинграда, А.А. Кузнецов раздраженно заявил: «Плевать я хотел с высокого дерева на Косыгина». И потребовал согласования с Молотовым. Подобные резкие высказывания тогдашнего «хозяина Смольного» в адрес Косыгина участники заседаний слышали достаточно часто³⁸.

Бывший ленинградец Косыгин на посту главы правительства РСФСР оказался не столь покладистым, как его преемник, не являвшийся выходцем из Ленинграда, – М.И. Родионов. Но как раз это обстоятельство могло спасти Косыгина в ходе «ленинградского дела».

Кроме вышесказанного, в обвинительном заключении и приговоре содержались обвинения в различных нарушениях в Госплане СССР при

осуществлении планирования и в утрате там многочисленных секретных документов, а также в незаконной организации всесоюзной ярмарки³⁹.

Тексты обвинительного заключения и приговора вполне наглядно демонстрируют, что поставленная в вину Н.А. Вознесенскому утрата секретных документов в Госплане не являлась центральным обвинением. Наказание за это понес бывший первый заместитель председателя Госплана СССР А.Д. Панов. Последнего обвинили в том, что, работая в Госплане, он не принял мер к обеспечению сохранности секретных документов, часть секретных документов была утеряна, а виновные в этом не были привлечены к ответственности. Нет никаких сведений о том, чтобы среди обвинений фигурировали связи с «вражеской группой». Военной коллегией Верховного суда СССР 28 октября 1949 г. Панов был осужден к четырем годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях⁴⁰.

В местах лишения свободы Панов четыре месяца работал на разгрузке леса, на земляных работах и на кладке кирпича. Полтора года занимался техническим обучением заключенных и подготовил около 600 шахтеров, включая 22 горных мастера. Работал электромонтажником, слесарем и сварщиком. За перевыполнение производственных норм срок осуждения был сокращен на одну треть. В итоге Панов досрочно вышел на свободу еще при жизни Сталина – в июле 1952 г. В том же году устроился старшим научным сотрудником во Всесоюзный научно-исследовательский угольный институт и принялся ходатайствовать о восстановлении в партии⁴¹.

В принятом спустя год после смерти Сталина постановлении Президиума ЦК КПСС, а также в выступлениях первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева и генерального прокурора СССР Р.А. Руденко перед партактивом в Ленинграде общая картина «ленинградского дела» будет представлена следующим образом. Главные фигуранты дела за допущенные «факты нарушений государственной дисциплины и отдельные проступки» понесли наказание – были сняты со своих должностей и получили партвызыскания. Несмотря на это, министр госбезопасности СССР В.С. Абакумов и «его сообщники» сфабриковали уголовное дело, где те же самые факты нарушений были представлены как действия организованной антисоветской изменнической группы. После издевательств и избиений обвиняемые дали ложные признательные показания об участии в заговоре⁴².

Вместе с тем, рассказывая эту историю, ни Н.С. Хрущев, ни генеральный прокурор Р.А. Руденко так и не обнародовали обвинения, предъявленные в суде фигурантам «ленинградского дела», ограничившись самыми общими фразами.

В действительности же, как свидетельствуют документы, к тому времени, когда А.А. Кузнецова, М.И. Родионова и Н.А. Вознесенского снимали с должностей, Сталин и Политбюро не располагали полной информацией о нарушениях постановлений Совмина, а также о незаконном предоставлении Ленинграду финансовых и материальных ресурсов. Напомним, что

во время объединенного пленума ленинградских обкома и горкома ВКП(б) в феврале 1949 г. председатель горисполкома П.Г. Лазутин, обращаясь к Г.М. Маленкову, говорил о препятствиях в выполнении постановлений Совета Министров СССР, чинимых некими «отдельными работниками» Госплана СССР и Госплана РСФСР. То есть все обстоятельства, связанные со сговором между руководителями Ленинграда и М.И. Родионовым с Н.А. Вознесенским на тот момент установлены не были. Точно так же Сталин и Политбюро на тот момент не располагали сведениями о многочисленных коррупционных действиях руководителей Смольного, включая вывоз ими из блокадного Ленинграда продуктов и промтоваров своим эвакуированным на Урал семьям, незаконное расходование государственных средств на материальное обогащение, на охотничьи забавы и на различные банкеты и празднества⁴³. Ввиду этих обстоятельств, аргументы для реабилитации основных фигурантов «ленинградского дела» выглядят надуманными и не соответствующими действительности.

В настоящее время остается еще много вопросов, связанных как в целом с «ленинградским делом», так и его экономическими аспектами. Ответить на них не представляется возможным, ввиду недоступности для исследователей материалов даже основных архивно-следственных и партийно-следственных дел. Историкам еще только предстоит осветить все детали тайных закулисных сделок руководителей Смольного с представителями правительственных структур и оценить ущерб от этих действий. Среди ключевых вопросов – что подтолкнуло Н.А. Вознесенского и М.И. Родионова пойти на нарушения постановлений Совмина СССР и указаний Сталина о развитии экономики Ленинграда. С определенной долей уверенности можно лишь констатировать, что Сталин расценил эти действия как серьезные экономические преступления, которые нанесли значительный ущерб государству. И это обстоятельство предопределило обвиняемым расстрельный приговор.

Примечания

1. МИХЕЕВ М.В. Особенности индустриального развития Ленинграда в условиях административно-командной экономики (1944–1949 гг.). — Российская история. 2021. № 3, с. 157–158.
2. Там же, с. 158–159.
3. Там же, с. 158.
4. Там же.
5. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), ф. 25, оп. 28, д. 10, л. 41, 61.
6. МИХЕЕВ М.В. Ук. соч., с. 160.
7. ЦГАИПД СПб, ф. 25, оп. 28, д. 10, л. 62.
8. МИХЕЕВ М.В. Ук. соч., с. 161.
9. ЦГАИПД СПб, ф. 25, оп. 28, д. 10, л. 41–42, 119.
10. ВАКСЕР А.З. Возрождение ленинградской индустрии. 1945 – начало 1950-х гг. СПб. 2015, с. 186.
11. МИХЕЕВ М.В. Ук. соч., с. 161.
12. Там же, с. 159–160, 163–165.
13. ЦГАИПД СПб, ф. 25, оп. 28, д. 10, л. 87–88; ф. 24, оп. 49, д. 342, л. 152, 154.

14. ВАКСЕР А.З. Ук. соч., с. 190–192.
15. Там же, с. 192–195.
16. ЦГАИПД СПб, ф. 25, оп. 28, д. 10, л. 14–16.
17. Там же, ф. 24, оп. 49, д. 342, л. 150–152.
18. Там же, л. 153–154.
19. Там же, ф. 25, оп. 28, д. 10, л. 62.
20. Там же, л. 86.
21. Там же, л. 80, 92; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 589, оп. 3, д. 6306, л. 20.
22. ЦГАИПД СПб, ф. 25, оп. 28, д. 10, л. 86–87.
23. РГАСПИ, ф. 589, оп. 3, д. 6318, л. 22–23.
24. Там же, л. 22.
25. Там же, л. 21–22.
26. Там же, л. 21.
27. Там же, оп. 5, д. 1519, л. 45.
28. Там же, ф. 17, оп. 127, д. 1343, л. 123–124.
29. Там же, л. 114.
30. Там же, л. 67–68.
31. Там же, д. 1345, л. 60.
32. Там же, д. 1344, л. 200.
33. Там же, д. 1345, л. 9–10.
34. Там же, ф. 589, оп. 3, д. 6355, л. 275.
35. БОЛДОВСКИЙ К.А., БРАНДЕНБЕРГЕР Д. Обвинительное заключение «ленинградского дела»: контекст и анализ содержания. — Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 4, с. 1005.
36. Там же, с. 1013–1016.
37. ЦГАИПД СПб, ф. 25, оп. 28, д. 10, л. 42.
38. Там же, л. 64–65.
39. БОЛДОВСКИЙ К.А., БРАНДЕНБЕРГЕР Д. Ук. соч., с. 1015; Судьбы людей. «Ленинградское дело» / Гл. ред. А.М. Кулегин, сост. А.П. Смирнов. СПб. 2009, с. 60.
40. РГАСПИ, ф. 589, оп. 16, д. 3819, л. 8, 10, 19.
41. Там же, л. 9–10, 19.
42. Реабилитация: как это было: Док-ты Президиума ЦК КПСС и др. м-лы. Т. 1: Март 1953 – февраль 1956 / Сост.: А.Н. Артизов, Ю.В. Сигачев, И.Н. Шевчук, В.Г. Хлопов. М. 2000, с. 115, 117–142.
43. СУШКОВ А.В. «Ленинградское дело»: генеральная чистка «колыбели революции». Екатеринбург. 2018, с. 49–69; ЕГО ЖЕ. Роскошь, деньги и банкеты: Документы партконтроля о фигурантах «ленинградского дела». — Свободная мысль. 2021. № 2, с. 88–98; ЕГО ЖЕ. Блокада не для всех: продукты, деньги и текстиль из осажденного Ленинграда. — Вопросы истории. 2023. № 2-2, с. 46–63.